

А. В. Стремоухов¹

СООТНОШЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГА ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

К числу самых сложных и запутанных проблем диалога цивилизаций и культур в условиях глобализации относится проблема соотношения наднациональных и национальных институтов (политических, финансовых, правовых и др.). Среди правовых в Европе приоритетным является соотношение решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и высших национальных судебных органов в условиях диалога правовых культур².

Доминирующей идеологией эпохи глобального развития, ее основной ценностью становится максимизация свободы индивида. Глобализация для правовых культур означает: во-первых, денационализацию права, то есть юридическую глобализацию; во-вторых, необходимость приспособления права к технической и экономической глобализации; в-третьих, универсализацию юридического языка, норм, создание универсальных юридических инструментов; в-четвертых, всеобщее признание основных ценностей, таких как демократия, права человека, правовое государство.

Правовая глобализация осуществляется по принципам, близким западной цивилизации и западной правовой культуре. Для остальных правовых культур вовлеченность в мировое юридическое пространство означает не только приобщение к благам и ценностям западной правовой культуры, но и всевозрастающее давление, а подчас откровенное навязывание культурно чуждых идей, моделей и представлений. При этом негативные последствия мирового неэквивалентного юридического обмена подчас оказываются намного тяжелее, чем ожидаемый положительный эффект. В связи с этим стал даже использоваться термин «юридическая экспансия»³. Наиболее ярко это проявилось на примере диалога представителей западной европейской правовой культуры — ЕСПЧ и российской правовой культуры — Конституционного Суда РФ.

В соответствии со ст. 11 Конституции РФ государственную власть в России наряду с Президентом РФ, Федеральным собранием и правительством осуществляют суды РФ. Поэтому придание судебным органам правотворческой функции способно обеспечить «само-

настройку» права, его качественное совершенствование и «очищение» от груза дефектов.

Изучение российской правовой культуры и правоприменения позволяет сделать вывод о том, что судебная практика является источником права, что не противоречит западной правовой культуре. Так, к числу судебных актов, содержащих нормативные предписания, могут быть отнесены: 1) правовые позиции и некоторые решения Конституционного Суда РФ; 2) нормативное толкование пленума Верховного суда; 3) решения судов общей юрисдикции, отменяющие нормативные акты (законы и др.) субъектов Федерации в случае их противоречия федеральному законодательству; 4) решения судов по аналогии закона и права, а также на основе норм права, содержащих некоторые оценочные понятия; и, наконец, 5) решения ЕСПЧ.

Учитывая происходящие в мире процессы глобализации, остановимся прежде всего на характеристике решений ЕСПЧ. Европейский суд по правам человека является уникальным судебным учреждением, не имеющим аналогов. Географический охват его деятельности велик — примерно 800 млн человек, живущих в 43 государствах. ЕСПЧ выступает для них неким единым судебным органом, куда эти люди вправе подать свои жалобы на действия властей.

Толкуя решения ЕСПЧ как источник российского права, следует заметить, что в их основу положены нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция или Европейская конвенция), принятой под эгидой Совета Европы в 1950 году. Среди норм, лежащих в основе правовой культуры ЕСПЧ, нужно назвать следующие: все люди равны перед законом и имеют право на равную защиту закона; каждый человек в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законами, имеет право на восстановление его в правах национальным компетентным судом; никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию; каждый человек имеет право на справедливое судебное разбирательство и эффективные средства правовой защиты; наказание должно быть исключительно на основании закона; нельзя осуждать человека за уголовное преступление, которое на момент его совершения таковым не считалось, и др.

Работа ЕСПЧ построена на принципе субсидиарности, в соответствии с которым главная функция защиты прав человека, закрепленных в Европейской конвенции, возложена на национальные власти государств-участников, прежде всего на их судебные органы. Национальные суды могут и должны применять положения Конвенции в своей практике и предоставлять эффективную защиту от их нарушений⁴.

¹ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 200 научных публикаций, в т. ч. «Право социального обеспечения» (в соавт.), «Права человека», «Система прав человека» (учебники), «Правовая защита человека», «Гражданско-правовые договоры по передаче имущества» (в соавт.), «Конституционно-правовые основы парламентской деятельности депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» (монографии), «Комментарий (постатейный) к Трудовому кодексу Российской Федерации» (в соавт.) и др.

² Под соотношением решений наднациональных и национальных судебных органов автор понимает совпадение и/или различие тех юридических норм, на основании которых принимаются решения по одинаковым юридическим делам, и содержание самих решений.

³ Тверякова Е. А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

⁴ См.: Фриберг Э. Европейский суд по правам человека: сегодняшние заботы и завтрашние реформы // Российская юстиция. 2002. № 12.

В том случае, если национальная защита по тем или иным причинам оказывается неэффективной, частные лица могут подать жалобы в Европейский суд по правам человека. Названный суд устанавливает единые стандарты правопорядка для государств — участников Конвенции, которые служат основой правовых культур наднационального и национальных судов. Причем воздействие ЕСПЧ на национальные правовые культуры происходит благодаря нормам прецедентного права, создаваемым ЕСПЧ на основе рассмотрения конкретных жалоб.

В силу ст. 32 Конвенции ЕСПЧ имеет право решать все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и протоколов к ней. Поэтому правовые позиции Европейского суда по правам человека, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и протоколов к ней, и сами прецеденты ЕСПЧ признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер. Однако это не означает ее отказа от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующие ее конституционно-правовой статус (Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П¹).

Тем не менее Конституционный Суд РФ, основывая свои выводы на нормах Конституции России, в поисках дополнительных доводов в обоснование своей правовой позиции постоянно обращается к Европейской конвенции. Так, он признал как не соответствующие и Конституции, и Конвенции положения ряда законов. В частности, такой подход отразился в постановлении от 14 февраля 2000 года о неконституционности положений ст. 377 Уголовно-процессуального кодекса РФ в том, что касается отсутствия четких указаний на необходимость присутствия заинтересованного лица на заседании суда, рассматривающего его кассационную жалобу или ходатайство о пересмотре дела в порядке надзора². Только с 1996 по 2005 год Конституционный Суд России более чем в 90 решениях сослался на Конвенцию и решения ЕСПЧ, которые оцениваются им фактически как источник права³.

Выполнение постановлений ЕСПЧ, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных

Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений.

Примером принятия мер общего характера, имеющих практические последствия для мер индивидуального характера, служит норма УПК РФ, предусматривающая возможность отмены вступивших в законную силу приговоров, постановлений и определений суда и возобновления производства по уголовному делу при наличии новых обстоятельств, к числу которых было отнесено и установление ЕСПЧ нарушения положений Конвенции при рассмотрении судом РФ уголовного дела (п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ). Принятию этой нормы предшествовало Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года по делу о проверке конституционности ряда статей УПК РСФСР, в котором Конституционный Суд на основании толкования ч. 3 ст. 46 Конституции (о праве граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека) определил: это положение «означает, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации...»⁴

Верховный суд также счел необходимым уточнить понятия «разумного срока судебного разбирательства», «сроков содержания под стражей», «унижающего достоинство обращения» и ряд других ключевых понятий Европейской конвенции так, как это вытекает из постановлений ЕСПЧ.

Таким образом, все высшие судебные инстанции, существовавшие в указанное время в России, предприняли меры по включению положений Конвенции и прецедентов ЕСПЧ в число источников российского права.

Наряду с проблемой совместности правовой системы России с правовой системой Совета Европы и юрисдикцией ЕСПЧ в последние годы появились проблемы общетеоретического плана, имеющие важные практические последствия. Это, во-первых, проблема соотношения юрисдикции ЕСПЧ как субсидиарного средства правовой защиты по отношению к национальным средствам и закрепленного в Конституции РФ принципа независимости судебной власти⁵ и, во-вторых, проблема признания обязательного характера юрисдикции ЕСПЧ на территории России. Указанные проблемы возникли не случайно.

За весь период участия России с ее правовой культурой в Европейской конвенции по правам человека до октября 2010 года не было случаев, когда решение Конституционного Суда РФ вызвало бы в практике ЕСПЧ сомнение с точки зрения соответствия такого решения Конвенции. Но ситуация, возникшая после принятия ЕСПЧ постановления от 7 октября 2010 года по делу «Константин Маркин против России», изменилась кардинальным образом. Впервые ЕСПЧ в жесткой

¹ Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 2000. № 25. Ст. 2728.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. N 2-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой ст. 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло // СЗ РФ. 2000. № 8. Ст. 991.

³ См.: Зорькин В. Д. Значение решений Европейского суда по правам человека для практики Конституционного Суда России // Журнал российского права. 2005. № 3.

⁴ Пункт 7 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года № 4-П по делу о проверке конституционности п. 5 части второй ст. 371, части третьей ст. 374 и п. 4 части второй ст. 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Валуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебрянникова // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

⁵ См.: Ковлер А. И. Права человека в России: взгляд из Страсбурга // Журнал российского права. 2004. № 1.

правовой форме подверг сомнению решение Конституционного Суда РФ¹. В этом определении от 15 января 2009 года № 187-О-О Конституционный Суд отметил, что российское правовое регулирование, предоставляющее военнослужащим-женщинам возможность отпуска по уходу за ребенком до достижения ими трехлетнего возраста и не признающее такое право за военнослужащими-мужчинами, не нарушает положения Конституции о равенстве прав и свобод независимо от пола.

С учетом специфики военной службы в России и особой социальной роли женщины в нашем обществе вряд ли можно утверждать, что предоставление права на отпуск по уходу за ребенком военнослужащим-женщинам при одновременном отказе в этом праве военнослужащим-мужчинам «лишено разумного обоснования», как это определил ЕСПЧ.

Лучшее знание национальной властью правовой культуры российского общества и его потребностей означает, что эта власть, в отличие от международных судов, занимает приоритетное положение для оценки того, в чем состоит публичный интерес. И поэтому вывод ЕСПЧ о том, что «рассматриваемое российское законодательство не является совместимым с Конвенцией», является беспрецедентным².

Однако может ли ЕСПЧ, исходя из ст. 46 Конвенции, в решении по конкретному делу рекомендовать (а фактически указать) государству-ответчику внести необходимые изменения в законодательство (притом что суд неоднократно в своих же решениях подчеркивал приоритет государства-ответчика в выборе необходимых мер для исправления нарушения)? Не является ли такое указание суда прямым вторжением в сферу национального суверенитета, явно выходящим за рамки предусмотренных Конвенцией прав и полномочий, и с этой точки зрения явно выходящим за рамки компетенции, установленной Конвенцией? И насколько тогда такое решение подлежит исполнению? Ведь восприятие женщин как главных воспитателей детей он счита-

ет «гендерным предрассудком» и поэтому критически относится к выводам Конституционного Суда об особой, связанной с материнством социальной роли женщины в обществе³.

Следуя вызовам времени и международной практике, вторую вышеуказанную проблему разрешил Конституционный Суд РФ в своем Постановлении № 21-П от 14 июля 2015 года по делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона РФ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней...»⁴ В нем суд указал: «Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере — притом что Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод основаны на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина — отдавать предпочтение требованиям Конституции РФ и тем самым не следовать буквально постановлению ЕСПЧ в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям».

И тем не менее, за 20 лет действия Европейской конвенции в отношении РФ можно сказать, что ширится прямое применение Конвенции судами страны в качестве источника российского права.

Подводя итог, отметим, что нормативистская концепция, признающая единственным источником права нормативно-правовой акт, не выдерживает проверки временем. Отход от этой концепции как единственно верной дает возможность повысить национальную правовую культуру, признав судебные решения источником российского права, в том числе и решения ЕСПЧ, которые не должны посягать на верховенство Конституции РФ.

¹ Зорькин В. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Российская газета. 2015. 27 июля.